

озаглавленной „Переводчик к читателю“, находятся в высшей степени интересные для истории вопроса данные, показывающие, что „драма“, „гражданская трагедия“ рассматривалась как жанр более демократический, чем „высокая трагедия“. Вот, что читаем мы в этом предисловии:

„Главное намерение моего автора при сочинении сей драмы состояло в том, чтобы сделать ее образцом гражданской трагедии и ввести во вкус и в употребление оные. Намерение самое похвальное! Неужели несчастья одних токмо знатных людей, героев, завоевателей империй или разорителей многих народов заслуживают общую чувствительность; а участь прочих добрых людей нашего внимания не достойна и никаких впечатлений в нас произвести не может? Предрассуждение управляет нравами! Но не должно ли, чтобы разум когда-нибудь хотя слегка просвещал оные!“¹

Кроме перечисленных терминов, появляются в последней четверти XVIII века еще термины „драмма с голосами“² и „лирическая комедия“³, означающие то же самое, что и „комическая опера“.

Мы рассмотрели почти все основные виды названий „комедии“, употребившиеся в раннем и отчасти новом периоде истории русского театра. Все эти термины, как видно было из изложенного материала, относились преимущественно к театру господствовавших классов России XVII и XVIII веков; понимание их, определения, встречавшиеся в некоторых источниках, отражали именно эстетику этих господствующих слоев общества.

Одно только наименование осталось нами не рассмотрено — зафиксированный в документах конца 1740-х—начала 1750-х годов термин „русская комедия“, „российская комедия“.

Одно из наиболее ранних упоминаний этого термина встречается в просьбах „комедиантов“ о разрешении им „играть комедии“. В Москве с 1749 по 1768 год было подано в Главную полицеймейстерскую канцелярию не менее восьми „доношений“ от разных лиц демократического происхождения (служителей, канцеляристов, студентов Славяно-греко-латинской академии, копистов и т. д.) с просьбой разрешить им „содержать российскую комедию“, „играть русскую комедию“, „производить русские гисторические каммеди“ и т. д.⁴ В несомненной связи с этими „русскими“ и „российскими комедиями“ стоит законодательный документ — именной указ, объявленный петербургским генерал-полицеймейстером А. Д. Татищевым 21 декабря 1750 года, в котором разрешалось в частных домах устройство вечеринок с представлением „русских комедий“⁵.

Что представляла собой „русская“ или „российская комедия“? Никаких определений этого жанра в литературе того времени мы не имеем.

¹ Д. Дидро. Побочный сын, или испытание добродетели. Драма. Перев. И. Я. СПб., 1788, стр. VII—VIII. *

² Н. П. Николаев. Розана и Любим. Драмма с голосами. М., 1781.

³ И. Ф. Богданович. Радость Душеньки. Лирическая комедия, последуемая балетом. СПб., 1786.

⁴ См.: И. Е. Забелин. Из хроники общественной жизни в Москве в XVIII столетии. Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год, М., 1891, стр. 558—564. В „Санкт-Петербургских ведомостях“ (1747, 1 мая, № 37, стр. 296) было напечатано первое русское театральное объявление о том, что „санктпетербургский купец Иван Лукин намерен играть комедию“, с указанием места и дней спектаклей. Здесь термина „русская комедия“ еще нет.

⁵ См.: Полное собрание законов Российской империи, собрание 1, т. XII, № 9824; С. С. Данилов. Материалы для истории русского законодательства о театре. Сб. „О театре“, Л.—М., 1940, стр. 184.